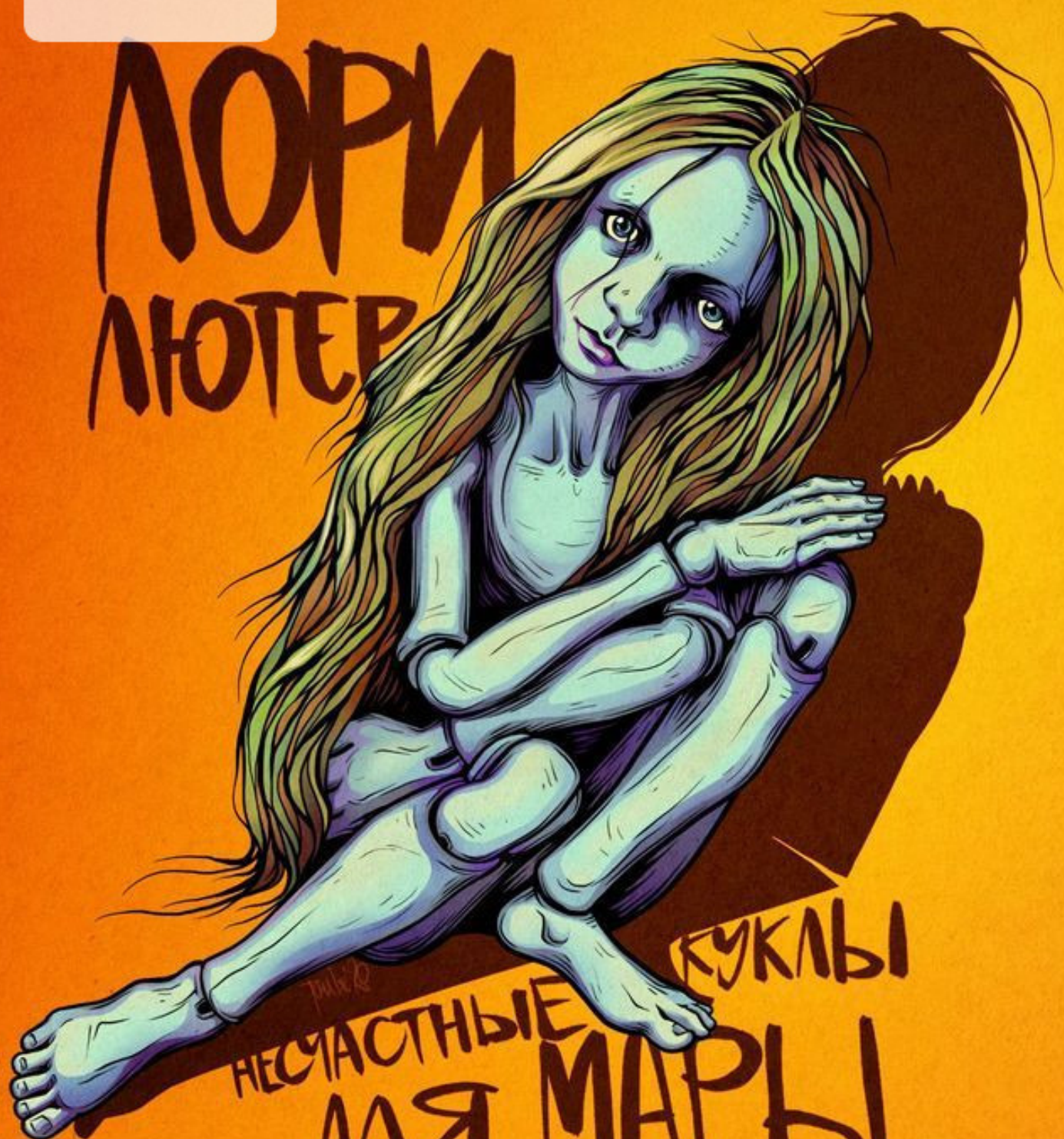

18+

ЛОРИ
ЛЮТЕР

КУКЛЫ
НЕСЧАСТНЫЕ
ДЛЯ МАРЫ

Лори Лютер

Несчастливые куклы для Мары

«Издательские решения»

Лютер Л.

Несчастливые куклы для Мары / Л. Лютер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-987568-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Молодой человек, с детства уверенный в своей умственной отсталости, практически не выходит из дома и живёт тем, что делает необыкновенно натуральные шарнирные куклы. Покупатель, который берёт подозрительно большое количество кукол, будит в нём любопытство, и герой решает проследить за ним, чтобы понять — зачем?

ISBN 978-5-44-987568-6

© Лютер Л.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Несчастные куклы для Мары

Лори Лютер

*Будь дураком сколько хочешь,
но не подавай дурного примера.*

Виктор Гюго

*Посвящается тем, кому ещё
никогда ничего не посвящали.*

Дизайнер обложки Тёма /Alekseev Sick Pics/ Алексеев

© Лори Лютер, 2020

© Тёма /Alekseev Sick Pics/ Алексеев, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-7568-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Шарнирные куклы

Я решил написать о себе ещё в тот момент, когда мама в очередной раз заколотила в дверь. Она никогда не стучала так, как обычно показывают в фильмах – барабаня по фанерной двери аккуратным кулачком и нежным голосом зазывая на вкусный завтрак, прислушиваясь к тому, что происходит в комнате. Нет, моя мама всегда стучала со всей силы, словно пыталась пробить дыру в толстой деревянной панели и в остатках моей смелости. Сердце моё каждый раз будто подсакивало внутри, едва не вырываясь из горла, и начинало сильно тарыхтеть, во рту пересыхало, сводило живот, а я инстинктивно вжимался в стену, сидя на кровати, и боялся, что дверь разлетится в щепки, или вовсе сорвётся с петель. И мама никогда не стучала, чтобы позвать меня. Она делала это только тогда, когда я что-то испортил или невольно разозлил её. Вот и на этот раз я слышал её громкий крик, от которого у меня мурашки рассыпались по всему телу, и я сидел, обхватив босые ноги руками, будто исколотый тысячами микроскопических иголок, и дрожал.

БАХ, БАХ, БАХ

Дверь ходила ходуном, мама не останавливалась, и мне казалось, что так будет продолжаться вечно, пока она не окажется в моей комнате и не заорёт, приблизившись так близко, что её дурно пахнувшие слюни полетят мне в лицо. Щель между дверью и полом была довольно большая, я пугливо вглядывался туда и видел тень мамы и её поношенные серо-зелёные тряпочные тапки, которые, казалось, когда-то очень давно были просто зелёными.

БАХ, БАХ, БАХ

Я зажмурился и закрыл уши руками, но до меня всё равно доносились её слова, хотя я и не вполне их осознавал. В такие моменты страха моё и без того не очень шустрое мышление словно парализовывало, и я ничего не соображал. Я просто боялся, что она сломает дверь.

– Савка, чёрт тебя дери! – кричала она, молотя своими кулаками по тонкому дереву. – Сколько можно просить не пользоваться лаком, когда я дома! Дышать невозможно! Савелий! Я с тобой разговариваю! Ты слышишь меня?

Я её слышал, но слова будто разбивались на буквы и звуки, а те лишь смешивались в одну бессмысленную кашу. Я хотел ей ответить и даже силился это сделать, но не знал что сказать, и к тому же губы мои намертво прилипли друг к другу.

Если бы только она перестала стучать в дверь.

Но она барабанила всё сильнее, как будто это доставляло ей удовольствие.

– Савка!

И снова это дурацкое имя. Разве я мог любить его, так часто слыша, как оно произносится подобным тоном? Может, поэтому оно мне никогда не нравилось. В мире так много красивых имён, но мама почему-то выбрала это. Наверняка, она и сама уже пожалела.

– Савка! – рычала она.

Я сильнее прижал колени к груди и заткнул пальцами уши. Я ещё давно понял, что когда уши закрываешь ладонями, то всё равно слышишь всё, но только как через стенку. А если затыкать уши пальцами, то звуки действительно стихают. Жаль, некому было оценить мою догадливость.

Я уже почти ничего и не слышал, но всё равно был вынужден наблюдать, как дёргается дверь, и чувствовал вибрации и дребезжание разбитых, но склеенных керамических ваз на подоконнике. Потом всё внезапно закончилось, и пыльные зеленоватые тапки под дверью исчезли. Я опустил руки на колени и услышал:

– Чёрт с тобой, идиот.

Она ушла, и только тогда моё сердце постепенно стало биться спокойно. А когда в моей голове её слова собрались в предложения, я понял, что ей не понравился запах лака, доносившийся из моей комнаты. Он, наверное, проникал в щель под дверью.

В следующий раз заткни щель подушкой.

– Хорошо, – сказал я.

Нет, ну ты это слышал? Не пользоваться лаком, когда она дома! Она же всегда дома!

– Ну не всегда...

Ладно-ладно, она ПОЧТИ всегда дома. Она выходит на считанные минуты сам знаешь зачем.

– Да, она почти всегда дома, – подтвердил я шёпотом и открыл окно, чтобы проветрить комнату от запаха лака, которого сам я уже не чувствовал. Было темно и, судя по тому, что я слышал, как на кухне мама смотрит свой любимый сериал, который, скорее всего, и заставил её отстать от моей двери, должно было быть между девятью и десятью часами вечера. В лицо подул весенний, но ещё холодный свежий воздух. Я не знал, как правильно описывать этот запах, и как его точно отличают от других, но мне казалось, что именно так пахнет весна. Потому что осенью и летом пахнет по-другому, а зимой вообще ничем не пахнет. Мне было сложно понять, как описать эти запахи, и как их вообще описывают люди? Я перебирал все знакомые мне слова про ароматы, но ни одно из них не подходило. Возможно, это потому что я знал слишком мало слов.

Я стоял у окна как замороженный, хотя уже двадцать шесть лет каждый день видел одну и ту же картину за стеклом. Я вообще почти никогда не смотрел из других окон, кроме окна в маминной комнате, в кухне, и ещё из окон одного из коридоров школы, в которой я учился. Там мне нравилось стоять, облокотившись на подоконник, и наблюдать за тем, что творилось снаружи, потому что оттуда была видна школьная спортивная площадка, где постоянно что-то происходило: кто-то толкался, кто-то играл в футбол или кидался снежками, а иногда я видел, как мальчишки подбираются к девчонкам сзади, чтобы ущипнуть их или натянуть им на голову капюшоны так, чтобы те ничего не видели. Девчонки разворачивались и махали на мальчишек руками, а иногда даже наносили удары, которые, впрочем, не казались болезненными, потому что от них ребята только громче хохотали. Смотреть было интересно, потому что я не знал, о чём они говорят и что ими движет, и про себя пытался во всём разобраться. Мне всегда хотелось понимать поступки других людей, но это было для меня слишком уж сложной задачей.

В классах я тоже интересовался происходящим снаружи, но мне не удавалось смотреть в окно слишком долго, потому что тогда я пропускал всё, что говорили учителя. Забавно: как они не старались и не отрывали меня от созерцания, я всё равно не стал отличником – у меня не было ни единого шанса на это. И мне кажется, они это знали.

На уроках меня ругали учителя, а на переменах задирали одноклассники. Помимо того, что я всё время сидел один и ни с кем особенно не водился, им почему-то не нравилось и то, что я частенько застывал у окон, хотя этим я никому не мешал. Но ребята обзывались, называли лунатиком и ещё кучей разных слов, значений которых я тогда не знал, а сейчас уже не вспомню. При этом они старались дёрнуть меня за волосы или рюкзак, но так, чтобы никто из взрослых этого не заметил. «Недоделанный недоумок» – так меня называли ребята. Сначала мне это не нравилось, потом я с этим смирился, затем я в это поверил и стал жить с осознанием своей недоделанности. Я не жаловался.

Возвращаясь к окнам: кажется, я видел их ещё в больнице или в поликлинике в детстве, но я не уверен. Может, там и не было окон. По крайней мере, они меня не впечатлили – поэтому я их и не запомнил.

А моё собственное окно было лучше всех других, наверное, потому что мне никто никогда не мешал в него смотреть. Оно было когда-то белым, но потом высохшая краска понемногу отвалилась, и рама стала почти совсем коричневой. Раньше я ковырял её в тех местах, где она

только начинала отслаиваться, но потом почему-то перестал. Даже не из-за того, что мама меня за это ругала. Просто больше не хотелось этого делать.

Мама всегда говорила, что эта квартира и виды из её окон – единственная награда в её жизни. Она никогда не уточняла, за что она получила эту награду, и в конце концов я понял, что она обманывает меня, потому что в детстве точно где-то слышал, что жильё досталась маме от её родителей – моих бабушки и дедушки, которых я помнил только по фотографиям. Но мне тоже здесь всегда нравилось. Я не мог даже представить, что можно жить где-то ещё. Мама говорила, что мы находимся в самом сердце города. Я задумался: если это – сердце, то где находятся другие органы? Больше всего меня интересовали мозги – я с удовольствием бы там побывал.

На углу нашего старого, но красивого дома висела синяя табличка с названием улицы. Улица Марата, так там было написано. И маме очень это нравилось, а я был и рад, что она хоть чем-то довольна.

Из окна своей комнаты я видел только наш собственный дом, расположенный, как я это называл в детстве, «квадратным кольцом». Мне было запрещено смотреть в окна напротив, потому что это некрасиво, но даже если я специально туда не смотрел, всё равно кое-что замечал: свет, лампы, столы, занавески, иногда людей, которые что-то едят или машут руками. Кое-где мигали экраны телевизоров. Мне нравилось видеть, что мы не одни с мамой в этом доме. Здорово, что там были люди, и они ходили туда и сюда, и при этом не видели меня.

Я почти никуда не ходил. Иногда мама посылала меня в ближайший магазин, но я не любил, когда она это делала. Мне не нравилось, что люди на меня злобно смотрели и очень часто толкали – не было ни одного раза, чтобы в магазине меня никто не задел тележкой или плечом, – и когда они говорили со мной, я сильно пугался и от этого вообще не понимал их слов. Весь смысл ускользал от меня, а я стоял и хлопал глазами. Тогда они смотрели ещё злее, как будто им сразу становилось понятно, что я дурак. Наверное, они об этом сразу догадывались. Хотя лично я никогда не знал, дурак кто-то или нет. А уж если не говорить с человеком, то как можно это знать наверняка?

Я замечал, что люди часто думают, что всё знают, и не понимал, почему при этом меня называют дураком, ведь только настоящий дурак может думать, что ему всё известно, и иметь своё однозначное мнение обо всём. Мнение, которое не меняется, даже когда меняется весь мир! Когда мама смотрела телевизор, где люди разговаривали и спорили про то, чего никто из них не мог знать наверняка, у меня начинала болеть голова. Может быть, они и кричали друг на друга именно от обиды, что им ничего не известно? Маму это смешило, она даже один раз сказала, что я как сапожник без сапог, переживающий за чужие сапоги. Ничего тогда не понял. Что она вообще имела в виду?

Как-то раз я обедал с мамой на кухне, когда она включила передачу, где обсуждали какие-то выборы. Никто из крикунов на этих самых выборах не был, и никто из них не знал кандидатов лично, но почему-то все были уверены, что понимают, как надо голосовать. Они иногда пытались объяснить, почему так решили, и как только я изо всех старался сосредоточиться, чтобы понять их доводы, они просто переходили на крик и ругань, как будто считали, что так будет убедительнее. И зачем им было нужно доказывать всем, что они правы? Они ведь могли просто пойти и проголосовать, как им нужно. Мама говорила, что их истинные причины так себя вести они держат в секрете.

А я всегда прислушивался к звукам, к голосам. Стоило им стать чуть громче обычного, я воспринимал это как сигнал – пора прятаться в своей комнате, чтобы не сойти с ума и не начать переживать за то, что всё равно не имело к моей жизни никакого отношения.

Ещё было такое: я наткнулся на передачу, где обсуждали какой-то футбольный матч. Двое очень пузатых пожилых мужчин говорили, как надо правильно играть, хотя я сразу усомнился в том, что они бывали на поле сами. Они так отдувались даже стоя, что я не пред-

ставлял, как они могут быть способны даже на небольшую пробежку. Я немного послушал их и убедился, что они никогда и не были футболистами. Получалось, что они просто смотрели футбол, и из этого делали свои выводы. Но ведь многие смотрят футбол! Чем тогда мнения этих толстых мужчин ценнее мнений других любителей футбола? Я вообще этого не понимал. Хотя мама говорила мне, что ценность мнения одного человека может быть выше, чем ценность мнения другого, независимо от того, кто больше изучал вопрос. Эту фразу я не понял сразу, поэтому записал её в тетрадь, чтобы хорошенько обдумать. Потом, намного позже, я всё-таки разобрался, что имела в виду мама, но всё равно так и не уяснил, почему так происходит. Все поощряют занятия наукой и образование, но какой в этом смысл, если будут слушать не человека с учёными степенями, а какую-нибудь дуру или дурака из телевизора и интернета? Но хоть я и сам всегда был дурак, со мной это почему-то не работало – меня уж точно никто не слушал. Справедливости ради, и слушать-то было особенно некому.

Хоть природа и не наделила меня умом, у меня было много времени, чтобы подумать о том и о сём, так что я так и делал. Я, по крайней мере, СТАРАЛСЯ поумнеть. Хотя бы немножко.

В общем, всё это было очень сложно, а телевизор вгонял меня в тоску и заставлял чувствовать себя совсем-совсем тупым. Иногда я вообще ничего не мог понять, хотя слова чаще всего звучали знакомые. В конце концов я стал стараться не включать телевизор, потому что, когда я смотрел его, появлялось так много вопросов, на которые мне было никак не найти ответы. Конечно, я и так был в курсе, что я действительно глупый, но от осознания этого при просмотре телевизора я становился ещё и злой.

Но обычно я всегда был добрый. Наверное, такой же добрый, как дядя Андрей, который продавал овощи и фрукты в крошечном магазинчике на первом этаже нашего дома. Это был единственный магазин, куда мне было не страшно ходить. Андрея я знал давно, наверное, вообще всю жизнь, потому что я не помнил времени, когда его не знал. У него были густые короткие чёрные волосы, уже начинающие седеть, и круглые карие глаза. Ладони у него были крупные, а пальцы длинные и толстые, и безымянный палец был сильно перетянут обручальным кольцом, из-за чего мне всегда становилось больно смотреть на него – мне казалось, что кольцо скоро вдавится в кожу и мясо. Меня каждый раз аж передёргивало, когда Андрей протягивал мне этой рукой пакет с овощами.

А не страшно ходить в его лавку мне было, наверное, не только потому что я давно его знал: дело было ещё и в том, что он очень хорошо ко мне относился и всегда заговаривал первым, так что мне не приходилось собираться с духом и начинать общение самому. И каждый раз Андрей говорил одно и то же: «Как у тебя дела сегодня, Савка?», улыбался так, что по краям рта появлялись глубокие морщины, и дарил мне какое-нибудь красивое яблоко, грушу, или что-нибудь ещё. При этом я никогда не видел, чтобы он делал такие подарки другим парням: только красивым девушкам, маленьким детям, а иногда милым старушкам. Но мне нравился этот щедрый и добрый жест – больше всего из-за старушек, потому что они всегда очень сильно радовались этому, а одна даже как-то заплакала при мне. Я подумал, что она из-за чего-то расстроилась, но когда бабушка ушла, Андрей объяснил мне, что она плакала из-за того, что ей было приятно. Вот как бывает. Даже спустившись в ближайший магазин, можно узнать что-то новое. Вернувшись домой, я спросил у мамы, плакала ли она от того, что ей было приятно. Но она в очередной раз посмотрела на меня как на придурка, потушила сигарету в грязной и полной окурков пепельнице и сказала: «Я никогда не реву». А потом она пустилась в свои любимые и долгие рассказы о её молодости, когда все у неё «вот где были», при этом она сжимала кулак и грозила им телевизору.

Когда я покупал у Андрея овощи, он клал их больше, чем я просил, но денег брал ровно столько, сколько давала на это мама. У него в магазинчике часто были длинные очереди, и я старался ходить в то время, когда там становилось потише, потому что мне было очень неком-

фортно в толпе, особенно когда кто-то пинался или задевал меня, а это происходило постоянно. По отдельности люди часто казались мне милыми, но когда их было много, они почему-то становились злыми и грубыми. Я вообще не понимал почему, сколько ни думал об этом. И хотя мама иногда напоминала мне, что я не совсем дурак, а всего лишь человек с «пограничным состоянием между дураком и нормальным» и до всего могу додуматься, если приложу усилия, некоторые вещи всё равно оказывались неясными, как я ни старался их постичь. И от этого мне было грустно. К тому же мама, как это называется, противоречила сама себе: сначала могла сказать, что я не совсем дурак, а потом, чуть погодя, сама же дураком и обзывала. Хотя при других людях она всегда старалась делать вид, что я если не умный, то хотя бы обычный, такой как все. Мне казалось, что она меня стесняется, и я чувствовал неловкость, слыша такие слова, хотя, когда я был маленьким, я верил тому, что она говорила другим людям, отчего очень долго пребывал в хорошем вдохновлённом настроении, пока мы с ней снова не оставались вдвоём, и она не называла меня идиотом. С течением времени я понял, что то, что она произносит, оказываясь со мной наедине, является правдой. Иногда она, разговаривая с кем-то обо мне, озвучивала совсем непонятные вещи, особенно, когда в школе учителя начинали меня сравнивать с другими учениками, убеждая маму перевести меня в другую школу. Она очень злилась от этого, а однажды я услышал от неё совсем уж трудную для моего понимания фразу: «Сравнивать их – это то же самое, что сравнивать по способности ходить по воде Иисуса и водомерку». Возвращаясь с родительских собраний, она потом долго молчала и пила свои любимые напитки. Выпив несколько стаканов, она начинала вспоминать моего отца, хвалила его и ругала за всякое разное, я толком не понимал, за что, и почему она вообще его вспоминала.

Хотя мама и сама иногда ничего не понимала. Бывало, она сидела у себя в комнате или на кухне с будто остекленевшими глазами, и я мог её долго звать, но она никак не реагировала, а только молча смотрела прямо перед собой. Когда я был ребёнком, я сильно пугался, что она так застыла навсегда, но потом я привык и перестал обращать на это внимание, зная, что через какое-то время она снова заморгает и заговорит. Иногда она и вовсе делала странные вещи: например, могла слушать одну и ту же песню несколько часов подряд или вдруг в одежде ложилась в пустую ванную с открытым ртом и смотрела на потолок. Даже я не смотрел на потолок, потому что знал, что это глупо. Я много раз спрашивал её, зачем она это делает, и однажды она мне ответила, что так размышляет о разных вещах, но я к тому времени уже догадался, что дело не в этом, потому что размышлять можно и в других позах, и совсем не обязательно забираться для этого в ванную.

Это всё были её таблетки или порошки, которые она иногда приносила домой. Я знал, что они какие-то особенные, потому что она принимала их, когда ничем не болела, и держала их не в аптечных коробках и банках, а завернутыми в обычную бумагу или в прозрачные пакетики. Я знал, что в аптеке не дают таблеток в такой упаковке. И хотя она так и не рассказала мне, зачем они ей нужны, я догадался сам, что они нужны ей для того, чтобы вот так сидеть или лежать, будто ничего не понимая. Сколько себя помнил, мама всегда приносила эти таблетки. Но от меня она их прятала, хотя я не имел к ним никакого интереса и не хотел их пробовать. Зачем мне было сидеть полдня как статуя, пялясь в потолок или в стену? Я же не настолько дурак.

Правда, ещё у неё были другие таблетки, которые отличались от тех даже на вид – они были всё время разных цветов, но никогда не были белыми – от них мама наоборот становилась весёлая и бодрая, включала музыку и пританцовывала, затевала уборку в квартире и даже гладила меня по волосам и говорила приятные вещи. Но это бывало совсем редко и продолжалось недолго, и после таких таблеток она становилась злая, уставшая и потная, закрывалась в комнате и долго спала, выходя на кухню только попить воды или покурить, пугая меня одним своим видом. Я всегда искал в ней поддержку, понимание и опору, но в такие дни она сама выглядела совсем беззащитной. Наверное, она искала опору во мне, а я не мог ей этого дать.

Как-то очень давно, когда я был ещё маленький, я часто спрашивал у мамы, почему я не могу быть умным. Она очень долго не хотела говорить и злилась, но потом, когда я уже надоел ей с этим вопросом, с недовольным выражением лица всё же объяснила мне, что я дурак из-за этих самых таблеток. Тогда же она и рассказала, что когда-то у меня был папа, но только пока я ещё не родился. И что он ушёл от неё тоже из-за этих таблеток. И из-за меня. В общем, там была какая-то связь. Больше я ничего не смог у неё выведать.

Ещё дома всегда были напитки, к которым мне запрещалось притрагиваться. Однажды, когда я ещё был подростком, я пробрался к спрятанной мамой бутылке, открыл её и сделал глоток. Хотя жижка была и препротивная, я всё равно собирался продолжить её пить, потому что мама одним глотком никогда не ограничивалась, и я решил, что тоже не должен останавливаться. Но тут зашла она. Она не стала меня ругать, а просто сказала: «Если тебя что-то мучает и тревожит, можно это выпить, и ненадолго мучения отойдут. Но утром они вернутся снова и будут ещё сильнее. Надо ли тебе это?» Мне это было не надо, и я больше не трогал эти бутылки. Странно, что сама мама не следовала своему же совету. Мне казалось, что это в духе всех этих умных людей, которые всегда знают, как надо делать, но сами всегда и всем недовольны. А ещё мне говорили, что с логикой у МЕНЯ плохо.

Иногда, когда она пила или принимала свои таблетки, в её голову приходили очень странные идеи, смысла которых я не только не понимал, но и подозревал, что его там вообще нет. Например, однажды, несколько лет назад, когда мне было лет двадцать или около того, она без стука зашла ко мне в комнату и сказала, что я уже взрослый, поэтому мне пора подружиться с какой-нибудь девушкой. Я, конечно, хотел бы, чтобы у меня была подруга, но не ожидал, что мама просто возьмёт и приведёт незнакомого человека домой. Но именно это она и сделала. Мне казалось это неправильным, неестественным, поэтому я вышел из комнаты в прихожую с опаской.

Там стояла женщина, сильно накрашенная и безвкусно одетая. Я очень хорошо запомнил, в чём она была, потому что всегда обращал внимание на то, что носят люди, особенно девушки – обычно одежда была примерно одинаковая, скучная, но некоторая сильно выделялась, красотой или уродливостью – по-разному. Так вот, на женщине была очень короткая ярко-оранжевая юбка из искусственной кожи, больше похожая на резиновую изоленту, плотно обмотавшую бёдра, в которой, наверное, было жарко и очень неудобно. Ещё на ней была лёгкая белая футболка или майка, поверх которой незнакомка накинула красную блестящую куртку. Ещё только начался март, было холодно, и я решил, что мама специально выбрала для меня, дурака, такую дуру. Ведь умный человек не станет подобным образом одеваться в промозглую и ветреную погоду. Я не очень-то хотел завести себе глупую подругу, и всё же не это обстоятельство пугало меня. Её длинные густые рыжие волосы, большие губы, намазанные бордовой помадой и обведённые тёмным карандашом, плотные ягодицы, огромной длины ресницы – всё это вызывало у меня страх. Я сделал шаг назад и остался стоять у двери в ближайшую комнату.

– Знакомься, – весело сказала мама. Она улыбалась, не стесняясь своих гнилых зубов, и разглаживала руками плиссированную юбку в цветочек, которую надевала только при гостях. Она указала на женщину. – Эта красавица – Алина.

Женщина тоже улыбалась, и хоть у неё не было гнилых зубов, выглядело это всё равно как-то неприятно. Мне показалось, что у неё слишком большие резцы. Я ничего не ответил, потому что растерялся от неожиданности. Мама сделала шаг ко мне навстречу и взяла меня под руку, как арестанта. Почти незаметно подтолкнула к гостье, а затем отошла немного в сторону.

– Он у меня немного стеснительный, давно не выбирался в люди, – пояснила она, и Алина как будто понимающе кивнула, а затем протянула мне руку.

Я нехотя подошёл и осторожно пожал её пальцы, и она почему-то рассмеялась. Я посмотрел на маму в надежде, что она скажет: «Ну всё, Савка, иди к себе, дальше мы тут сами», как она говорила каждый раз, когда кто-нибудь появлялся на пороге. Но она молчала и улыбалась,

и улыбка её была теперь недобрая. Мне казалось, что она просто растягивает свои бледные потрескавшиеся губы в разные стороны.

– Ладно, Савка, кончай ломать комедию, – она снова подтолкнула меня. – Проводи Алину к себе в комнату и... пообщайтесь. Ты же хочешь провести вечер с красивой девушкой?

Я никак не мог бы назвать нашу гостью девушкой (тем более, красивой) и теперь даже засомневался в том, правильно ли я всегда понимал это слово. Я невольно представил, как она присаживается на стул, и ножки у него ломаются, как спички. Я сделал шаг назад и отрицательно замотал головой, не в силах что-то сказать. Губы словно приклеились друг к другу, а глаза защипало от сухости. Я заметил, что мама перестала улыбаться и уже явно начинала сердиться, и от этого мне стало ещё страшнее.

– Так, – властно сказала она. – Вы с Алиной идёте в твою комнату. И точка. И точка, – повторила она.

Я не понял, при чём тут знаки препинания, но это меня не особенно интересовало – для того, чтобы понять маму, мне хватало и её интонации.

Алина тоже перестала улыбаться и шагнула ко мне, и тут сердце моё забилося как сумасшедшее, и я сделал два шага назад. Мне даже показалось, что я уменьшился в росте и стал ниже обеих женщин. Моё смущение её не остановило, она подошла ещё ближе, и я почувствовал её резкий запах. Ваниль. Только это был не тот аромат, который обычно доносится из пекарен и от которого текут слюнки. Это был неприятный запах, такой, словно тот, кто делал духи, захотел, чтобы они были ванильными, но самой ванили под рукой у него не оказалось, и ему пришлось придумывать что-то другое. Невольно вдыхая эту отраву, я убрал руки за спину, нащупал дверную ручку, открыл дверь и выскочил за неё, а потом, едва не споткнувшись, вбежал в свою комнату и закрылся изнутри на щеколду. Сердце моё бешено колотилось, и я услышал, как будто со стороны, что очень громко дышу. Я думал, что мама и её гостя слышали моё дыхание, но когда в голове моей перестало шуметь, я заметил, что в коридоре стало тихо. Сердцебиение, однако же, не унималось, и я знал, что полностью успокоюсь, только когда эта ужасная женщина уйдёт.

– Савка, – мама постучала в дверь, и я отпрянул в дальний угол комнаты, к кровати. – Ты ведь уже не ребёнок. Тебе нужно проводить время с девушками. Открой, тебе понравится.

Я очень сомневался, что мне это понравится. Я мало что знал в этой жизни, но я точно знал, что я люблю, а что нет. Мама говорила подозрительно спокойно, но при этом жёстко и требовательно. Я никогда не мог её послушаться, если не был напуган. Но сейчас я боялся, мои ноги подкашивались от одной мысли о том, что дверь каким-то образом откроется и эта неприятно пахнущая большая женщина окажется у меня в комнате. Я представил, как она подходит ко мне, дышит на меня, нависает надо мной, сдавливает меня своими ручищами, и меня затошнило. Я не понимал, зачем я ей так сильно понадобился, и почему она пришла. Я уставился вниз.

– Уходи, уходи, – шептал я, пытаюсь подавить рвотные позывы и смотря на дверь.

Она уйдёт, молчи.

Я затих, стараясь унять дрожь. Какое-то время мама ещё стучала в дверь. Потом я услышал, что она извиняется перед Алиной. Я не разобрал ответа, женщина очень тихо разговаривала, но, по крайней мере, мне стало спокойнее от того, что никто не повышал голос. Я не представлял, что бы со мной было, если бы они обе кричали. Впрочем, меня всё ещё мучило.

Я внимательно прислушивался, но к двери всё равно не подходил. Просто на всякий случай. Мне показалось, что мама открыла ящик, в котором лежали деньги, а потом закрыла его – этот звук я хорошо изучил за двадцать шесть лет. Потом была какая-то возня в коридоре, шуршание одежды и шелчок закрываемой двери. Потом – тишина.

Я догадался, что неприятная гостя ушла, но мне по-прежнему было не по себе. Это чувство возникало всегда, когда я не понимал чего-то важного. К сожалению, это ощущение часто

преследовало меня. Оттого мне не нравилось выходить из дома. В своей комнате мне всё было ясно, а там, снаружи, вечно что-то происходило, отчего мне становилось страшно и тоскливо. Вот и на этот раз я опасался, что мама снова кого-то приведёт. Я чуть-чуть успокоился и догадался, что она хочет, чтобы я переспал с женщиной – я всё-таки не совсем идиот. Просто я не понимал, зачем ей это. Даже в фильмах, которые так любила мама, молодые люди и девушки знакомились сами, нравились друг другу, общались и только потом... А эта Алина... Фу. Я не смог бы притронуться к ней даже с закрытыми глазами и заткнутыми ноздрями.

Мои размышления прервал настойчивый стук в дверь, и я, уже почти было успокоившись, вновь сжался.

– Савка, ты меня подставил! – грозно прикрикнула мама за дверью. – Я ведь всё равно должна была ей заплатить.

Я молчал и только слушал слова, которые мама слышать не могла.

Стой тихо, не высовывайся. Сейчас свалит.

– Савка, ты слышишь меня? – Мама всё стояла под дверью. – Девственником помрёшь, балда! Тьфу!

Я сжал губы и стоял, стараясь даже не шевелиться. Она перестала стучать, выругалась, и её тапки зашаркали по полу. Мама ушла на кухню.

Я порадовался, что наконец-то остался один в своей комнате, что от меня отстали, и все опасности и непонятные вещи этого мира мне больше не угрожают. По крайней мере, в этот день. Я присел на кровать, чтобы немного отдышаться. Раньше ритм моего сердца в таких ситуациях быстро приходил в норму, но теперь ему нужно было какое-то время. Я посмотрел на свои руки – они покрылись мелкой красной сыпью, как бывало тогда, когда я нервничал. Но я уже не боялся вида своей красной кожи, потому что знал, что это пройдёт. Я оглядел мою комнату, моё убежище, и почувствовал, как хорошее настроение возвращается ко мне, хоть и очень медленно.

Саму свою комнату я недавно превратил в мастерскую. Сидеть дома было скучно, поэтому я всегда старался чем-то себя занять. В детстве я лепил из пластилина и рисовал, потом собирал подаренные маминими подругами —которых я уже лет десять-пятнадцать не видел – паззлы, но когда картины стали слишком большими, а детали мелкими, у меня стало плохо получаться, и от этого я злился и расстраивался. В конце концов я выбросил все паззлы в мусорное ведро, потому что они напоминали мне о том, какой я тупой.

А потом я случайно увидел по телевизору, как девушка делала шарнирные куклы. Мне показалось это интересным и увлекательным, и куклы у неё выходили очень красивыми. В отличие от всех моих занятий, создание кукол представлялось мне делом более стоящим. Я подумал, что если научусь делать также, то никто не будет называть меня дураком, ведь это очень сложное дело. Технологии и соиздание! Это вам не в шарики на телефоне играть. К тому же куклы – подходящая компания для меня.

Признаться, первые мои куклы получились уродливыми. Я слишком торопился. У них было кривое тело, кривые глаза и носы, и шарниры располагались не совсем правильно и симметрично. Я не мог нормально приклеить волосы, головы делал идеально круглыми, а с плечами, шеями и грудями вечно творилось что-то неладное. Мама всю смеялась и говорила не позориться и оставить это занятие. Только я не понимал, перед кем я позорюсь, и продолжал, потому что мне это нравилось, и я верил, что справлюсь. У девушки из телевизора всё так легко и ловко получалось, и я понял, что для начала мне необходимо лучше разобраться в анатомии человека. Я нашёл в интернете соответствующие видео и стал их смотреть снова и снова. Я плохо понимал комментарии, сопровождавшие действия мастеров шарнирных кукол, но старался копировать их действия, пока пальцы мои не начали совершать новые, правильные движения при лепке из воска.

Я иногда выходил за овощами и фруктами к Андрею и по дороге видел красивых девушек. Тогда я запоминал их лица, стараясь не упустить ни малейшей детали, приходил домой и делал шарнирные куклы, похожие на них. Я всё время пересматривал старое и находил новое видео, стараясь почерпнуть оттуда то, что было бы для меня полезно. И хоть мама говорила иногда, что я не обучаем (а могла сказать и совершенно обратное), вскоре у меня стали получаться очень красивые куклы. Я немного изменил технологию, так что лица у них стали почти точными копиями реальных женских лиц. Я создавал их, шил им одежду, давал им имена, фотографировал и выкладывал в интернет. И хотя у меня не было настоящих друзей даже в интернете, мои куклы нравились людям, и некоторые даже писали под фотографиями, что они, куклы, очень красивые. Мне было безумно приятно это читать, но всё же я старался не засиживаться в социальных сетях, потому что они меня смущали. Да, мне не приходилось смотреть людям в глаза. Но они всё равно думали обо мне что хотели. Уж это я понимал.

Вообще, в моменты, когда я чувствовал себя чуть лучше или умнее, чем обычно, мне было нелегко. Например, я задумывался, что за двадцать шесть лет в моей жизни почти ничего не поменялось, и от этого мне становилось очень тоскливо. Господи, сколько подобных мыслей могут терзать по-настоящему умных людей?

Когда я закончил школу, мама очень хотела, чтобы я поступил в институт или университет. Она каждый день об этом говорила. Наверное, это очень много для неё значило. Ей даже было всё равно, в какой. Мы ходили с ней вместе и подавали мои документы в кучу различных высших учебных заведений: в педагогический университет, академию народного хозяйства, университет физической культуры, таможенную академию, академию связи и много куда ещё... Мама избегала только технических институтов и факультетов, говоря, что она не настолько дура. Я не понимал, при чём тут её ум, если учиться нужно было мне.

В общем, я нигде не набрал нужного количества баллов, хотя всегда сколько-то их было. Я никуда не поступил, и мама очень сильно расстроилась. Я не знал, стоит ли мне расстраиваться тоже, потому что я чувствовал себя неуютно на всех этих экзаменах в больших лекционных аудиториях. Мне сложно было сосредоточиться в обстановке, когда вокруг сидело так много незнакомых людей, которые шуршали шпаргалками, хихикали и... просто там были! А когда мимо меня проходил суровый и грозный преподаватель – а они все были такими, – следящий за тем, чтобы экзамен проходил по правилам, у меня и вовсе замирало сердце. Кто знает, почему.

Но мне было жаль, что я расстроил маму. Она после каждого заваленного мной экзамена сидела на кухне, пила свои напитки, от которых её лицо краснело и раздувалось, и говорила одно и то же, будто обращаясь не ко мне, а к себе самой:

– Тебя они не взяли, конечно! Зачем им нужен парень, который честно старается и пытается учиться даже несмотря на свои... возможности. Они лучше возьмут того, кто плевать хочет на учёбу, зато будет исправно денежки своих родителей заносить. А раз у нас таких денег нет, то всё, мы уже не у дел! Будь у нас деньги, ты бы поступил в любой из этих дурацких институтов, даже если бы не разговаривал, а только мычал. Что говорить – за бабки они бы даже аквариумную рыбку приняли на факультет программирования!

Я пытался её успокоить и говорил, что меня не взяли, потому что я глупее остальных, но она только сильнее злилась от этого.

– Глупее! – она вскидывала руки, пристально смотря на меня своими круглыми криво накрашенными глазами. – Да знаешь ли ты, сколько глупых людей на свете? И у каждого второго из них будет высшее образование. А может, и у каждого первого.

Потом она фыркала, выпивала рюмку, складывала руки на груди и отворачивалась к окну. Я не понимал, злится она на меня или нет.

Я видел, как мама год за годом просматривала буклеты, выбирая очередные вузы, куда я должен был поступить. Она краснела, потела, закусывала губу, усердно перелистывая стра-

ницы и размышляя, в какой области у меня было хотя бы немного больше шансов. Во всех книжках, фильмах и в реальной жизни люди вечно мучаются выбором, точно как моя мама. А мне было нечего и не из чего выбирать. Хотя я выбирал внешность для своих кукол и иногда выбирал, с какой начинкой взять в пекарне булочку (шоколадная мне нравилась почти так же, как черничная). Но на этом всё.

Ещё несколько лет подряд мы ходили и подавали документы, я пытался сдать экзамены, но ничего не менялось. С каждым годом мои результаты становились всё хуже, потому что я постепенно забывал то, чему меня учили в школе. Я старался, очень старался, я читал много книг, хотя мало что из них понимал, но всё равно продолжал заваливать тесты. И каждый раз мамина реакция повторялась, пока очередным летом она не сказала, что больше мы никуда не пойдём.

В тот день я застал маму за изучением её школьного альбома. Она смотрела на выцветшие фотографии своих бывших одноклассников, по некоторым медленно водила пальцем. Потом она захлопнула альбом, уставилась в окно и сказала то, чего я тогда не понял, но эта фраза словно и не предназначалась мне:

– Эх... Школьные грамоты, учёба в университете, планы, курсы, налаживание связей, преодоление страхов, творческий потенциал... а потом ты обнаруживаешь себя в торговом центре, раздающим дегустационный сырный сублимат.

Пока я с ностальгией вспоминал то время, когда она работала в торговом центре и приносила домой вкусные сырны палочки, она оторвалась от окна, решительно взяла мой школьный аттестат с тройками, четвёрками и даже парой пятёрок (по музыке и рисованию) и убрала в комод, где лежали другие документы. К теме поступления в университет мама больше никогда не возвращалась.

После того, как мама ушла из торгового центра, она какое-то время искала новую работу, но почему-то её никуда не взяли. В конце концов она перестала ходить на собеседования, и мы стали жить на её пособие, но на эти деньги никогда не могли купить то, что нам хотелось – всё уходило на её таблетки, напитки и на скудную еду. Последним моим приличным подарком на день рождения был телефон с фотокамерой, который мама выиграла в каком-то конкурсе в бесплатной газете. Мама ходила дома в старом халате уже лет двадцать, и он весь был в дырках и пятнах от подсолнечного масла. У меня была мечта когда-нибудь купить ей новый халат. Для меня она иногда доставала одежду в каких-то местах, где люди просто её складывали, чтобы такие как мы её забрали. Мама не очень-то хотела давать мне деньги на воск, лак, краски и другие принадлежности для кукол, и сначала я с трудом наскребал на творчество, выпрашивая у неё денег на яблоки, но не покупая их. Но когда мама увидела, что фотографии моих кукол нравятся в интернете, она вдруг вынула из ящика купюру в пятьсот рублей и молча положила её мне в руку, так что я пошёл и купил то, что мне было нужно больше всего. Конечно, она уже немного выпила своих напитков в тот день, но я всё равно не понимал, почему она так резко поменяла своё мнение и дала мне денег, хотя мой день рождения был ещё не скоро, но потом она объяснила мне:

– У тебя стало хорошо получаться. Смотри, в интернете восхищаются лицами твоих кукол, пишут, что они совсем как живые, – она усмехнулась, – и при этом очень красивые.

На какое-то время она задумалась и только молча смотрела на комментарии в интернете, а потом чуть ли не закричала:

– Савка, горе моё, ведь ты можешь их продавать!

Я отшатнулся от неожиданности.

– Как это – продавать?

Мама цокнула языком и закатила глаза, показавшись на секунду моложе своих лет. Даже морщин в уголках рта её стало меньше.

– Сынок, ну ты же не настолько тупой. Продавать!

Я задумался. Всего у меня было три куклы: Роза, Лили и Нарцисса. Они сидели на столе в разных позах и смотрели на меня с укором, как живые. Они и были для меня живыми. Но я знал, что они такие только для меня.

– Как же я их продам? – спросил я.

Мама взглянула на меня почти так же осуждающе, как и мои куклы. Но даже когда она злилась, она почти всегда всё мне объясняла.

– Денег у нас немного. Я не могу постоянно давать тебе деньги на материалы для кукол, иначе нам нечего будет есть. К тому же если ты продолжишь их делать, ты будешь просто складывать их у себя в комнате. Но ведь можно извлечь из этого пользу. И у тебя будет работа, как у всех нормальных людей.

Я задумался. Мама видела, что я в замешательстве, но она пристально смотрела на меня, ожидая ответа.

– Савка, ты ведь хочешь делать куклы дальше? – спросила она.

– Да, – ответил я, не задумываясь.

– Значит, тебе придётся продавать их, чтобы иметь возможность делать новые. К тому же, – она снова посмотрела на экран монитора, с которого на нас яркими голубыми глазами глядела моя последняя кукла, Нарцисса, – к тому же, может, твои куклы принесут кому-то радость.

Этот аргумент действительно задел меня.

– Я хочу, чтобы мои куклы приносили радость.

Мама улыбнулась, и я заметил, что она сегодня не чистила зубы. Хотя меня она всегда заставляла это делать в детстве. Сейчас, конечно, я это делал без её указаний.

– Ну вот и чудненько. Сделай в интернете объявление, напиши, что продаёшь их.

В ответ на мой вопросительный взгляд мама добавила:

– Посмотри, как другие это делают.

И она вышла из моей комнаты такой походкой, какой она обычно ходила только при гостях – бодрой и лёгкой, как бы подпрыгивая. Я понял, что мама, кажется, наконец-то мной довольна. И это было так непривычно и неожиданно, что настроение моё улучшилось.

Я нашёл группы в социальных сетях, где продавали шарнирные куклы. Оказалось, что мама не первая до этого додумалась.

Там были очень красивые куклы, некоторые даже лучше моих – в пышных платьях с блестками и камнями, в шикарных золотистых коробках с бантами. Но их лица... они все отличались от того, что делал я. Там у кукол были очень большие глаза и маленькие носы, длинные шеи, почти круглые головы. Совсем не такие, как у настоящих людей. Я побоялся, что мои куклы никому не понравятся, потому что они другие, но по совету мамы всё-таки выложил фотографии и подписал, что продаю их.

Самым сложным оказалось разобраться с ценой. Я не имел ни малейшего представления о том, сколько они могли стоить. К тому же там, у других продавцов, цены были разные и непонятно по какому принципу их устанавливали. Тогда я пришёл на кухню, где мама смотрела телевизор и курила, спросил у неё об этом, и она сказала:

– Посчитай, сколько денег ты тратишь, чтобы изготовить одну куклу. Эту сумму умножь на два и выставляй цену.

Я развернулся, чтобы идти считать, но она окликнула меня.

– погоди. – Она тыкнула на меня указательным пальцем, придерживая сигарету средним и большим. – Если сумма получится меньше тысячи, тогда... умножь ещё на два.

Я кивнул и ушёл к себе в комнату, оставив маму смотреть телевизор и удивляясь тому, как, оказывается, просто считаются цены. У мамы было очень довольное лицо, и я был рад.

Когда я сел за компьютер, мне показалось, что Роза, Лили и Нарцисса смотрят на меня. Я повернулся к ним и в очередной раз восхитился ими. У Розы были короткие каштановые

волосы с проседью – это были волосы моей мамы, которые она отрезала специально для куклы. Но мне пришлось их покрасить, чтобы цвет стал более равномерным. Смотрелись они лучше остальных, потому что единственные были натуральными. У Розы было лицо девушки, которую я видел несколько раз в лавке у Андрея. Она каждый раз брала там апельсины, поэтому и платье я сшил для неё оранжевое, которое очень подходило к её карим глазам.

У второй куклы, Лили, были нежно-розовые синтетические волосы. Я сделал её похожей на молодую девушку, живущую в доме через дорогу. Я несколько раз видел, как она выскакивает из подъезда на ногах-пружинках, и уносится на автобусную остановку. Лили, как и эта девушка, была в рваных светло-голубых джинсах и в короткой тряпочной зелёной куртке. Мне она нравилась, потому что казалась самой самостоятельной и уверенной. Пару раз мне снилось, что Лили встаёт со своего места и уходит на автобусную остановку. Это были неприятные сны.

Третьей я сделал Нарциссу, и она была бы самой красивой, если бы волосы её были натуральными. Длинные и бесцветные, похожие на рыболовную леску, они лишали её возможности стать моей любимицей. Я сшил для неё бело-голубое платье, в котором она стала похожа на невесту. Из сушёных незабудок, которые я собрал прошлым летом и положил между страниц какой-то тяжёлой книги, собрал венок. Я решил продать её первой. Я бы продал Лили, но она так серьёзно смотрела на меня, сидя на полке, что я побоялся.

Я посадил Нарциссу на подоконник и сфотографировал. Выложил фото в интернет и подписал: «Нарцисса, одна тысяча двести рублей. Санкт-Петербург». Я не смог точно посчитать, сколько денег я потратил на её изготовление, но предположил, что около шести сотен. Умножил на два, как и сказала мама.

Потом то же самое я сделал с Лили, хотя из-за её взгляда при этом мне было неловко. Розу я пока решил оставить.

На самом деле, мне очень не хотелось, чтобы их купили. Я понимал, что это деньги, понимал, что деньги – это новые куклы, но ничего не мог с собой поделаться. Мама ждала моментальной продажи, по сто раз в день спрашивала меня, писал ли мне кто-нибудь. Но никто не писал. По-прежнему, девушки оставляли добрые комментарии, где отмечали, что куклы очень красивые, но покупать никто не собирался. И в душе я был рад, что куклы остаются со мной. Но мама была разочарована и постоянно говорила, как иначе могла бы потратить те пятьсот рублей, которые дала мне на воск. Я опять попросил у мамы денег на изготовление ещё одной куклы, но она нехорошо посмотрела на меня и сказала, что денег больше не даст, и чтобы я активнее продавал то, что есть.

Я не понимал, что значит «активнее продавать». Что я мог сделать? Я не хотел писать «купите мои куклы, пожалуйста», я не хотел заставлять или убеждать. Ведь люди должны покупать только то, что они хотят, а не то, что хочу я. Поэтому я просто иногда добавлял фотографии и ждал. Один раз кто-то оставил комментарий: «Почему так дёшево? Наверняка, какая-то китайская фигня». Я не понял, почему так написали, но мне было неприятно. И при чём тут Китай?

Остальные всё так же отмечали, что куклы очень красивые, и мне было приятно это читать.

Я очень хотел сделать новую куклу, но денег на покупку материалов не было, и постепенно я всё больше стал привязываться к Розе, Лили и Нарциссе. Я даже укладывал их спать, используя старую наволочку как одеяло. Мама смеялась над этим, говорила, что я как маленький, и что она в моём возрасте уже не помнила, что такое куклы, и что она тогда уже решала какие-то «серьёзные вопросы». И хотя она смеялась, глаза у неё были грустные. Поэтому я старался укладывать куклы спать в ящике стола, чтобы она не видела. Но я оставлял щель, чтобы куклы могли дышать.

Конечно, я знал, что куклам не нужно дышать, я же был не совсем дурак.

Но мне хотелось думать, что им нужно.

II Таинственный покупатель

И всё же через пару недель Лили купили – перевели деньги на мамину карту. Я аккуратно запаковал куклу в старую коробку из-под обуви и отправился на ближайшее почтовое отделение. Открыв тяжёлую металлическую дверь и впервые увидев это помещение, я совсем растерялся, потому что не знал куда идти, что делать и даже куда смотреть. Там стояли какие-то терминалы, горели цифры на табло, а я не понимал даже того, в какую сторону мне двигаться от входа. Я так редко бывал в толпе людей, что совершенно терялся среди них. Когда я уходил из дома, мама, посмеиваясь, сказала, что почтовое отделение будет для меня настоящим Вавилоном.

Там было человек двадцать, все они стояли в очереди какие-то мрачные и недовольные. Один мужчина кричал на бедную съёженную женщину за компьютером за то, что она, по его мнению, медленно работала. Мне стало её жалко, потому что я вообще не понимал, как там можно работать. К тому же я никогда не находил в своей голове оправдания тем, кто кричит на других. Я увидел, что в окошки обслуживания вызывают людей по номерам и, кое-как сообразив что к чему, взял свой номер в автомате, как делали все остальные, а затем сел на край скамейки, стараясь никому не мешать и никого не задеть. Люди стояли и заполняли графы на конвертах, пакетах и коробках, и я сначала испугался, что сделал что-то неправильно, потому что заполнил всё дома, как было написано в интернете. Когда шум усилился, и несколько человек начали ругаться, я вдруг почувствовал себя плохо, мне стало душно и закружилась голова, но я устоял в пол, считая до десяти и обратно, и постепенно состояние моё пришло в норму. Всё эти толпы. В последний раз я видел столько народа в поликлинике несколько лет назад, но всё же тогда со мной рядом была мама, и мне не приходилось ни с кем разговаривать. Я уже пожалел, что не попросил её отправить куклу по почте, хотя, скорее всего, она бы отказалась и сказала, что я сам уже взрослый, чтобы сделать это.

Я устоял на свой номерок, чтобы не смотреть на людей. Они меня смущали. Я хотел услышать слова поддержки или подсказку, как себя вести, но здесь никто не мог мне помочь. Все бы только посмеялись надо мной.

Я очень старался не слушать того, что происходит вокруг. Иногда мне казалось, что половина стоящих в очереди людей – такие как я. Дураки. Потому что они спрашивали глупые вещи, например, сколько будет идти их посылка. Даже я знал, что девушки за компьютером везут посылки не сами.

Наконец, автоматический голос назвал мой номер. Я встал, подошёл к окну и дрожащими отчего-то руками протянул бумажку с цифрами и буквой темноволосой девушке в синей жилетке и белой рубашке. Она проигнорировала номерок и протянула руку к коробке.

– Здравствуйте, – сказал я.

– О, уже всё заполнили, отлично, – весело сказала она. Мне показалось, что она не услышала, как я с ней поздоровался. Иногда мой голос становился очень тихим, когда я волновался.

Она что-то перепечатала с коробки в компьютер, назвала цену за отправление, я оплатил наличными, взял чек и, чуть не забыв про сдачу, поскорее выскочил из здания почты. Оказавшись на почти пустой улице, я глубоко вздохнул, втянул в себя весенний прохладный воздух, а затем поспешил домой.

Вскоре я продал и Нарциссу, тоже отправив её по почте, хотя мог встретиться с покупательницей лично, потому что она тоже жила в Петербурге, только на окраине. Но мне сложно было даже представить, что я стою и жду неизвестно кого, неизвестно где, и вообще я не знал, как правильно общаться с какой-то неизвестной женщиной. Разговаривать с работниками

почты почему-то было проще, наверное, потому что форма общения там у всех одна и не нужно ничего придумывать. Хотя мне всё равно не нравилось на почте. Отправив Нарциссу, я пришёл домой, а потом до самого сна вспоминал каждую деталь: как чихнул какой-то бородатый мужик в длинном чёрном пальто, а я постеснялся пожелать ему здоровья; что бубнила старушка, которая не могла распечатать свой номерок, а я побоялся попытаться ей помочь; какой формы было пятно от кофе на жилете работницы, и стоило мне ей об этом сказать или нет. От этого всего я очень долго не мог заснуть, и это злило меня.

Зато мама была довольна и сама сказала, чтобы я шёл покупать материалы для новых кукол. Она сняла с карты половину полученных денег и отдала их мне.

За две недели я выходил из дома так часто, как не выходил со времён сдачи вступительных экзаменов. Дважды я был на почте, дважды покупал овощи в лавке Андрея, а один раз даже ходил в магазин за материалами для кукол. То ещё было приключение! Я заметил, что ткани стоят очень дорого и обрадовался, что у мамы в шкафу было ещё много ненужных ей платков и других тряпок, из которых можно было шить одежду для кукол.

Я сделал ещё две куклы, но уже лучшего качества. У меня получилось найти для них натуральные волосы и купить воск подороже. Астра и Виолетта, так я их назвал. Я одел их в пёстрые платья, сшитые из маминого старого сарафана, в который она уже не влезала, сфотографировал их и посадил на полку рядом с Розой, а фотографии выложил в интернет.

Я уже начинал привыкать к новым куклам, когда мне пришло сообщение на электронную почту. Предыдущие покупатели писали прямо в личные сообщения в социальной сети, и письмо на электронную почту смутило меня своей официальностью.

Здравствуйте, Савелий! Я увидел ваше объявление о продаже шарнирных кукол и хотел бы приобрести одну из них, у вас она записана под именем Роза. Я нахожусь в Санкт-Петербурге и готов подъехать в любое удобное для Вас время.

С уважением, Николай

Меня передёрнуло от того, что он написал моё полное имя. Я привык, что ко мне так обращались только в каких-то серьёзных случаях: в институтах и университетах, поликлиниках и других холодных и неуютных местах. И даже в школе так говорили только учителя, когда вызывали к доске или делали перекличку.

Я рассказал маме об этом письме, и она улыбнулась, выпуская изо рта в приоткрытое окно сигаретный дым.

– Видишь, как хорошо, – сказала она, – тебе не придётся идти на почту.

Потом она повернулась ко мне и пригрозила пальцем.

– Только не забудь пересчитать деньги прежде, чем отдашь товар.

Кивнув, я ушёл к себе в комнату и сразу написал Николаю адрес.

Мы с мамой и так были удивлены, что покупателем на этот раз была не девушка, но когда я открыл Николаю дверь, то понял, что и его представлял совсем другим.

Передо мной, держа спину прямо, стоял высокий носатый мужчина возраста моей мамы, с густой и довольно длинной, закрывающей половину горла, каштановой бородой. Мне вдруг пришла мысль, что в такой бороде можно было бы спрятать целый бутерброд. У него были густые, сдвинутые к переносице брови и глубоко посаженные синие глаза, сильно контрастировавшие с тёмными волосами и смуглой кожей. Он был в лёгком весеннем пальто до колен, и я сразу обратил внимание на красивую плотную идеально чёрную ткань. Мне очень захотелось пощупать её, но, конечно, я этого не сделал. Сам же покупатель был очень мрачен и своим видом немного пугал меня.

– Здравствуйте. Николай, – сдержанно и деловито представился он, протянув мне руку. Я пожал её нерешительно, потому что уже забыл, когда последний раз с кем-то так здоровался.

Он пару секунд выжидающе смотрел на меня своими пронизательными глазами, так что я замешкался, не зная, что сказать. Почему-то мне Николай показался недобрый, хотя ничего плохого он не говорил и не делал. Может быть, он просто устал, поэтому выглядел злым. У людей так бывает.

Я занервничал и заметил, что руки мои покрылись красной сыпью. Я торопливо одёрнул рукава.

После неловкой паузы он достал деньги и протянул их мне. Я пересчитал их, хотя, скорее, только сделал вид, что пересчитал – я просто перелистывал купюры и не мог полностью сосредоточиться на цифрах.

Мне показалось, что сумма другая, но я не был уверен.

– Сдачи не надо, – сказал Николай, и тогда я понял, что он дал больше денег.

Я подумал о том, что мама обрадуется. Она курила и смотрела на меня из кухни, но видеть Николая, стоящего за порогом, она не могла. Я положил деньги на комод, взял оттуда белый пакет из супермаркета и протянул покупателю. У него изменилось выражение лица, будто он был удивлён или хотел смеяться. Но он взял пакет и заглянул внутрь.

– Позвольте? – спросил он, переводя взгляд на меня.

Я не понял, но кивнул. Он достал Розу из пакета и внимательно осмотрел её. Он держал куклу осторожно, тремя пальцами, словно боялся раздавить. Это мне понравилось и не понравилось одновременно. Я не мог до конца понять, аккуратность это или брезгливость. Жаль, что мама не видела – она бы точно разобралась.

– Очень... тонкая работа, – сказал Николай, положив Розу обратно в пакет и обмотав полиэтилен вокруг куклы. Меня невольно передёрнуло, потому что я представил, как она задыхается там, и я пожалел, что не сделал в пакете хотя бы несколько дырок на этот случай. Николай, казалось, не заметил моего волнения.

– Гмх, – прокашлялся я и вытер внезапно вспотевшие ладони о штаны. Николай не обратил внимания и на это.

– Совсем как настоящая девушка, но в миниатюре. Без этих огромных противоестественных глаз, какие обычно рисуют куклам. И вообще... Удивительно. – А потом добавил задумчиво: – Думаю, мне это и нужно.

– Спасибо, – пробормотал я, совершенно не зная, что ещё ему ответить.

Николай ещё плотнее обмотал Розу пакетом, завернул её, как колбасу, кивнул мне, мы снова пожали руки, и он ушёл. Я закрыл дверь и подошёл к маме. Она нетерпеливо повернулась к окну:

– Хоть глянуть на него. Очень приятный голос.

Чтобы посмотреть, она даже открыла окно и высунулась из него, одновременно закуривая новую сигарету.

– Хорош. Солидно выглядит, – сказала она, закрывая окно через пару минут и гася сигарету в пепельнице.

Я пожал плечами, всё ещё думая о Розе. Как скоро он вытащит её из пакета?

– Я слышала, он сказал «сдачи не надо», – мама встрепенулась и уставилась на меня.

Я пошёл в коридор, взял деньги и вернулся. Мама чуть не вырвала у меня из рук бумажки и пересчитала их, очень быстро.

– Так-так-так, – она закусила губу и, немного подумав, отдала мне две бумажки обратно, – это тебе на твоё дело. Остальное нам на еду.

Она убрала деньги в карман своего драного халата и зачем-то прихлопнула его рукой.

– Иди уже, чего стоишь? – резко спросила она, сделав телевизор погромче, а затем отточенным движением открыла бутылку с коричневым напитком, пахнущим клопами, выпучила глаза и добавила: – Кыш!

Я понял, что, наверное, начинается один из её любимых сериалов, и послушно ушёл в свою комнату.

В тот же вечер я занялся созданием новых кукол, поэтому быстро забыл про последнего покупателя. На свет появились Азалия, Камилла и Жасмин. У всех были натуральные волосы и милые платья, шитые из двух разных шифоновых шарфов и мятого, извлечённого мной со дна корзины для грязного белья, носового платка. Разумеется, я его постирал. Я был практически счастлив от осознания того, что наконец-то нашёл своё любимое занятие и могу посвящать ему всё своё время.

Иногда мне вспоминались другие куклы, те, которые я продал. Я думал, как они там, нравится ли им на новом месте? Я очень надеялся, что всем моим куклам будет хорошо, я переживал за них, словно за народившихся в доме котят и розданных людям. Хотел верить, что куклы не лежат в тёмном глухом ящике, не пылятся на антресоли, не мёрзнут в каком-нибудь сарае или подвале.

У себя в комнате я освободил теперь самую широкую полку на стене и посадил туда всех своих кукол. Там было место ещё и для новых.

Через несколько дней после продажи Розы я получил новое сообщение от Николая. Сначала я испугался, увидев его письмо – подумал, что с Розой что-то случилось, или покупатель передумал и захотел вернуть её.

Но он только написал, что хочет взять ещё кукол, и спросил, сколько их у меня. На тот момент у меня их было уже пять, так что я так и ответил ему, и он сказал, что приедет.

Как и обещал, он приехал на следующий день.

На этот раз мама надела свои самые красивые и чистые юбку и блузку и выглянула в коридор.

– Здравствуйте, – сказала она Николаю.

Он тоже сказал «здравствуйте», но даже не посмотрел на неё. Он отдал мне деньги, снова отказался от сдачи, схватил пакет с куклами, в котором я на этот раз сделал несколько дырок и, не сворачивая его и быстро попрощавшись, убежал.

Я закрыл за ним дверь.

– Он что, даже не посмотрел на них? – удивилась мама, снова удаляясь на кухню, чтобы проводить Николая взглядом из окна.

Я покачал головой, хоть она этого и не видела. Это не было глупо, потому что мама тоже всегда качала головой, жестикулировала и строила гримасы, разговаривая по телефону – этого не мог видеть собеседник, но она же не казалась от этого дурочкой. Наверное.

– Нет, не посмотрел, – ответил я, вспомнив про её вопрос.

– Какой-то взволнованный был, тебе так не показалось? – спросила мама, вытягивая шею, чтобы лучше было видно Николая, садящегося в свою длинную и низкую чёрную машину.

Я пожал плечами. Я и сам не понял, почему он даже не посмотрел, что лежит в пакете, как в прошлый раз, ведь фотографии кукол я тоже ему не присылал. Это так озадачило меня, что даже разболелась голова. Мама тоже была удивлена.

– Да, это, конечно, странно, – сказала она, – брать кота в мешке. Какой-то несерьёзный подход. С другой стороны, видно, что он человек деловой – наверняка куда-то торопился. Да и вообще, может, он купил подарки каким-нибудь троюродным племянницам и плевать, красивые куклы или нет.

Я сначала согласился, потому что мама была умнее меня, а значит, ей было виднее, но потом мне всё равно подумалось, что тут что-то не сходится. Я напряг все силы своего ума.

– Если ему всё равно, то зачем приезжать сюда и покупать именно у меня? – спросил я маму, задумчиво почёсывая голову. – Он мог бы заказать доставку или купить в любом магазине сувениров. И почему он сначала купил одну, а потом ещё пять?

– Ох, Савка, не грузи, – попросила мама и откупорила бутылку своего любимого напитка. Она как будто не хотела, чтобы я думал. – Иди лучше новых наделей, вдруг ему ещё понадобится. Хотя, конечно, вряд ли. Шесть штук уж взял! Солить их что-ли, в самом деле?

Я уже знал это выражение про соль, иначе ничего бы не понял. Мама, возможно, и не подозревала, что была права, когда сказала мне опять заниматься куклами. Через две недели Николай снова приехал. Перед этим он написал мне на почту, что возьмёт все куклы, что у меня есть. У меня было шесть. Мне было жаль расставаться сразу со всеми, по крайней мере, хотелось понять ради чего. Я попросил маму узнать у него, зачем ему так много, потому что спрашивать сам стеснялся настолько, что боялся прослушать всё, что он ответит.

– Николай, – заигрывающим тоном начала мама, и на этот раз она удостоилась его взгляда, хоть и очень сурового. – Можно поинтересоваться, почему вы берёте куклы именно у Савк... у Савелия? – И добавила, будто спохватившись: – Нам важна обратная связь. Для разработки маркетинговой концепции, ну вы понимаете.

Она улыбнулась, оголив гнилые зубы и воспалённые дёсны. Николай бегло окинул взглядом маму, меня и нашу обшарпанную старую прихожую, как будто сомневаясь в чём-то. Но потом ответил:

– Савелий делает очень натуральные куклы, они сильно похожи на уменьшенные копии людей. С соблюдением всех пропорций. Это то, что мне нужно.

Он почему-то тяжело вздохнул.

– А зачем они вам? – спросила мама. На этот раз её голос прозвучал как-то хищно, и Николай сильнее сдвинул брови.

– При всём уважении...

– Жанна.

– При всём уважении, Жанна, это вам... не пригодится для маркетинговой – как вы сказали – концепции.

Мама задёрнула руками, завозила ладонями по своей юбке, будто отряхивалась, и поджала губы. Она явно собиралась что-то сказать, но не успела.

– Всего доброго, – попрощался Николай. Он пожал мне руку, кивнул маме и ушёл. Я закрыл дверь и посмотрел на неё. Она злобно – как это называется – сверкнула глазами.

– Больше не проси меня ничего узнавать.

Мне показалось, что она обиделась, но я не понял – на что? Наверное, не понравилось, что Николай неясно ответил на вопрос. Она пошла на кухню, но не стала на этот раз выглядывать в окно. Она села на табурет, налила себе целый стакан мутного коричневого напитка и закурила сигарету.

– Подумать только, – возмутилась она, отхлебнув из стакана, – он меня отшил! Да я всегда вопросы во-о-от так решала. Никто мне так не хамил! – Она показала кулак, а потом с жалостью посмотрела на меня и добавила: – Пока ты не родился. Меня все боялись! И уважали. Все знали, что Жанка никому не позволит вытирать об себя ноги. Знаешь, как я могла разобраться с тем, кто меня не уважал?

Я пожал плечами. Я не знал. И ещё я так и не узнал, зачем Николаю столько кукол.

У меня было много версий. Я даже разозлился, когда подумал, что он их продаёт, но потом мама сказала, что он «не похож на того, кому нужны эти копейки». Тогда я решил, что он, наверное, коллекционер. Но мама сказала, что вряд ли коллекционер схватил бы куклы вот так – не глядя. Ей уже надоела тема кукол и Николая, так что она попросила не беспокоить её с этим вопросом. А я всё придумывал и придумывал версии, но не мог знать, насколько они правильные, потому что некому было подсказать.

Я снова стал творить, делая кукол похожими на девушек, которых я видел в магазинах, в фильмах и в интернете. Мне казалось, что куклы с каждым разом выходят всё чудеснее, и мама это подтверждала, уделяя им пару секунд своего внимания. Я давал куклам имена,

иногда шёпотом пел им песни, когда она не могла услышать, и даже когда я просто смотрел на них – настроение моё улучшалось. Мне больше ничего не было нужно. Мне казалось, что это и есть счастье. Я никогда не мог разговаривать с девушками, даже когда учился в школе. У меня словно язык прилеплялся к нёбу, и я не мог и слова сказать. И если они что-то говорили, мне было тяжело их понимать, потому что я так сильно на них смотрел, что больше ничего не мог делать. В конце концов одноклассницы вообще перестали меня замечать. Я был для них как стена или стул, который нужно просто обойти. А после школы и многих попыток поступить в институты мне не пришлось больше разговаривать с ними. И куклы мне помогали: я создавал их, а они напоминали мне всех этих красивых девушек, но только с куклами я мог спокойно находиться рядом и общаться.

Они тебе не нужны! – слышалось снизу.

Я ничего не ответил.

Ещё через несколько дней Николай снова дал о себе знать. Он написал на почту, спросил, появились ли у меня новые куклы.

У меня было всего две, и я был ещё не готов их продавать. Мне хотелось хоть немного побыть с ними. Я знал, что врать нехорошо, но мама всегда говорила, что все люди врут каждый день, и в этом нет ничего такого, поэтому я сказал, что пока что новых кукол нет. Мне почему-то стало стыдно за то, что я его обманул, но сделанного было не изменить. Тогда Николай написал, чтобы я ему сообщил, когда они появятся, и он возьмёт всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.